

УДК 808.5

DOI 10.17516/2311-3499-041

ДИСКУРСИВНЫЙ МИР ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В БРИТАНСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

С.Л. Кушнерук

Статья посвящена реконструкции и описанию дискурсивного мира информационно-психологической войны в британских интернет-СМИ. Материалом для исследования послужили текстовые данные корпуса News on the Web за период 2010–2018 гг. В работе проанализированы контексты, извлечённые из высокотиражных британских интернет-газет и новостных сайтов, объединённые тематикой борьбы, вражды, противоборства. Целью исследования является выявление в дискурсе британских медиа репрезентационной структуры, которая имеет ментально-языковую природу и отражает политические и идеологические интересы Великобритании в глобальной геополитике. Обосновывается понятие дискурсивного мира информационно-психологической войны. Оно раскрывается с позиций когнитивно-дискурсивного миромоделирования – автономного направления лингвистической дискурсологии, исследующего дискурс в терминах репрезентационных структур. Дискурсивный мир информационно-психологической войны трактуется как сконструированная журналистами проективная реальность, объективируемая совокупностью текстов интернет-СМИ, затрагивающих проблематику информационного противостояния. Установлено, что дискурсивный мир информационно-психологической войны имеет свою онтологию. Представлена его параметризация по истокам, масштабу, субъектам, ключевым акторам, целям и задачам. Доказано, что информационно-психологическая война ведётся крупнейшими интернет-СМИ Великобритании в отношении своих читателей. Мишенью информационно-психологической войны выступает Россия, которая представлена как ключевой актор информационной войны, развязанной против Запада. Негативное миромоделирование в британских медиа проявляется в распространении таких представлений о России, которые демонизируют образ нашей страны в глазах граждан других государств. Результаты могут оказаться полезными при разработке мер защиты от внешнего информационно-психологического воздействия.

Ключевые слова и фразы: лингвистика дискурса; информационно-психологическая война; дискурсивный мир; репрезентационная структура; когнитивно-дискурсивное миромоделирование; медиа дискурс; медиареальность; британские интернет-СМИ; средства массовой коммуникации.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 04.06.2018 г. № 1/326 по теме «Когнитивные и коммуникативные факторы репрезентации действительности в разных типах англоязычного дискурса»

DISCOURSE-WORLD OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR IN THE BRITISH ONLINE MEDIA

S.L. Kushneruk

The paper focuses on the phenomenon of information-psychological war in British online media. The study is based on the data taken from News on the Web corpus, covering the period of 2010–2018. The analysis involves contexts from Internet newspapers and news sites, united by information war theme.

The aim of the author is to reconstruct the fragment of media reality of information-psychological war and establish its parameters. The term discourse world of information-psychological war is introduced to denote a representational structure, which is textualized in the media and reflects the balance of forces in the global geopolitical situation. The notion of discourse world draws on cognitive-discourse World Modelling Theory, which explores discourse in terms of representational structures. The discourse world of information-psychological war as reality constructed by journalists is characterized by the scale, subjects, key actors, main goals and objectives. It is revealed that the object of information-psychological warfare is the mind of a wide audience, interested in politics and online publications. The target of the information-psychological war is Russia, which is represented in the British media as and a key actor in the information war, which hinders the cultural and civilizational development of the West. Negative world-modelling in the British media is manifested in the spread of such ideas about Russia, which demonize the image of the country in the eyes of other members of the world community. The conclusion might present interest for further investigation of the linguistic basics of the development of measures against external information and psychological attacks.

Keywords and phrases: *discourse linguistics; information-psychological war; discourse-world; representative structure; cognitive-discursive world-modeling; media discourse; media reality; British Internet media; mass communication media.*

В сетевом пространстве постмодерна реальность воспринимается через трактовку, существует только то, о чём пишет медиа.

В. М. Коровин,

«Третья мировая сетевая война».

Введение: актуальности задачи исследования

В первой четверти XXI века всё увереннее звучат заявления специалистов из разных областей о том, что интернет-СМИ эксплуатируются политическими элитами для ведения информационно-психологической войны. Количество работ, посвящённых этой сложной проблематике, неуклонно растёт, привлекая к дискуссии зарубежных и отечественных военных, политологов, правоведов, историков, философов и лингвистов [Arquilla 2011; Brose 2015; Libicki 1995, 2017; Stein 1995; Szafranski 1997; Алексеев, Алексеева 2016; Арчаков, Макаров 2017; Белова 2015; Война и мир...: URL; Жаркова 2014; Желудков 2017; Иванова 2016; Карякин 2011; Коровин 2014; Копнина 2017; Копнина, Сквородников 2016, 2017; Кошкарлова 2018; Лингвистика информационно-психологической... 2017; Мушта 2009; Некляев 2008; Панцерев 2009; Расторгуев 1999, 2003; Сквородников, Копнина 2016; Черных, Зуева 2017 и др.].

Актуальность разработки когнитивно-дискурсивного подхода к феномену информационно-психологической войны очевидна в условиях меняющейся геополитики текущего момента. Ключевым фактором её изменения является общее усиление противостояния между державами, борющимися за экономическое и политическое доминирование в мире. В любое время влияние на ментальную деятельность людей осуществляется через язык. Признание данного факта объясняет появление лингвистики информационно-психологической войны [Лингвистика информационно-психологической войны 2017].

Обоснованию нового раздела лингвистики дискурса, посвящённого изучению языка и речевых технологий информационно-психологического противоборства, предшествовало переосмысление понятия войны, которое преимущественно ассоциировалось с формами прямой борьбы враждующих сторон и физическим уничтожением в условиях вооружённых конфликтов. В последней четверти XX века понятие войны семантически расширилось. К типологии войн, выделяемых по социально-политическому (захватнические, освободительные, справедливые, несправедливые) или стратегическому (мировые, региональные, локальные) содержанию, примкнули относительно новые термины, называющие разновидности войны по

способу и характеру действия: *informationwar*, *informationwarfare*, *cyberwar*, *cyberwarfare*, *electronicwarfare*, *neocorticalwarfare*, *netwar* др. Первые два включают семантику информации и борьбы и представляют особый интерес для настоящей работы.

Поскольку массовое информационное воздействие на сознание людей реализуется в медиа коммуникации, в настоящей работе мы ставим *цель* выделить и описать дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационную структуру, служащую целям идеологического миромоделирования. В широком понимании это ментально-языковая структура, выявляемая в медийном дискурсе на основе текстовых данных, в которой отражается предлагаемая британским читателям картина мира с целью формирования ракурса восприятия политических инициатив мирового уровня. *Задачи* исследования – установить параметры дискурсивного мира ИПВ, создаваемого британскими журналистами, определить, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам ИПВ и каковы их цели.

Базовые термины

Впервые словосочетание *informationwar* употребил А. Даллес в 1967 г. для описания сепаратных переговоров между США и Великобританией, с одной стороны, и Германией, с другой, но годом рождения термина считается 1976. Его появление обычно связывают с именем физика, советника по науке Министерства обороны США Томаса Рона, представившего отчёт об информационной инфраструктуре как уязвимой составляющей американской экономики [RonaURL]. Несмотря на то, что публикация вызвала оживление экспертов американских спецслужб, систематические исследования феномена не велись ещё почти двадцать лет [Почепцов 2015: 147]. Официальное использование термина *informationwarfare*, содержащего родовое понятие *противоборство*, начинается министерством обороны США в 1992 г. для обозначения разновидности радиоэлектронной борьбы [Соловьев 2010: 76]. Оба термина могут быть переведены на русский язык как «информационная война». Однако они не тождественны.

Согласно лексикографии, **information war** – *a war during which the reporting or manipulation of information is particularly important or notable; a conflict over the possession or distribution of information* (https://en.oxforddictionaries.com/definition/information_war). **Information warfare** – *the strategic use of information or information technology for intelligence-gathering or military purposes; the deliberate disruption of information and communications systems, especially by a terrorist or subversive group* (https://en.oxforddictionaries.com/definition/information_warfare).

Применение методики компонентного анализа устанавливает разницу между названными терминами. Общая архисема – «использование информации в целях борьбы». Термин *informationwar* включает две основные семы: «война», «конфликт». Семему также формируют семы: «передача информации», «манипулирование информацией», «борьба за обладание и распространение информацией». Семема терминосочетания *informationwarfare* включает семы: «стратегическое использование информации», «информационные технологии», «в разведывательных целях», «в военных целях», «преднамеренное разрушение информационно-коммуникационных систем», «террористической или подрывной группой». Различие в денотативном компоненте значения проявляется в том, что понятие, обозначенное словосочетанием *informationwarfare*, оказывается специфицированным по сравнению с понятием, передаваемым сочетанием *informationwar*, поскольку акцентируется стратегическое использование информации заинтересованными группами в целях вывода из строя противника, что предполагает наличие конкретных приёмов ведения войны, отличающихся по средствам.

Говоря об использовании информации в целях противоборства, помимо эпистемологической составляющей, важно учитывать психологические факторы, определяющие то, как люди думают и принимают решения и как с помощью ресурсов языка осуществляется влияние на массовое сознание в целом. Объектом информационной войны в конечном итоге является человеческий разум, который принимает и несёт ответственность за ключевые решения. Исходя из этого, мы принимаем определение **информационно-психологической войны** (далее – ИПВ), представленное учёными Сибирского федерального университета под руководством

А.П. Сквородникова, Г.А. Копниной: противоборство сторон, «которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путём намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством использования мер информационно-психологической защиты от такого воздействия» [Лингвистика информационно-психологической войны 2017: 13].

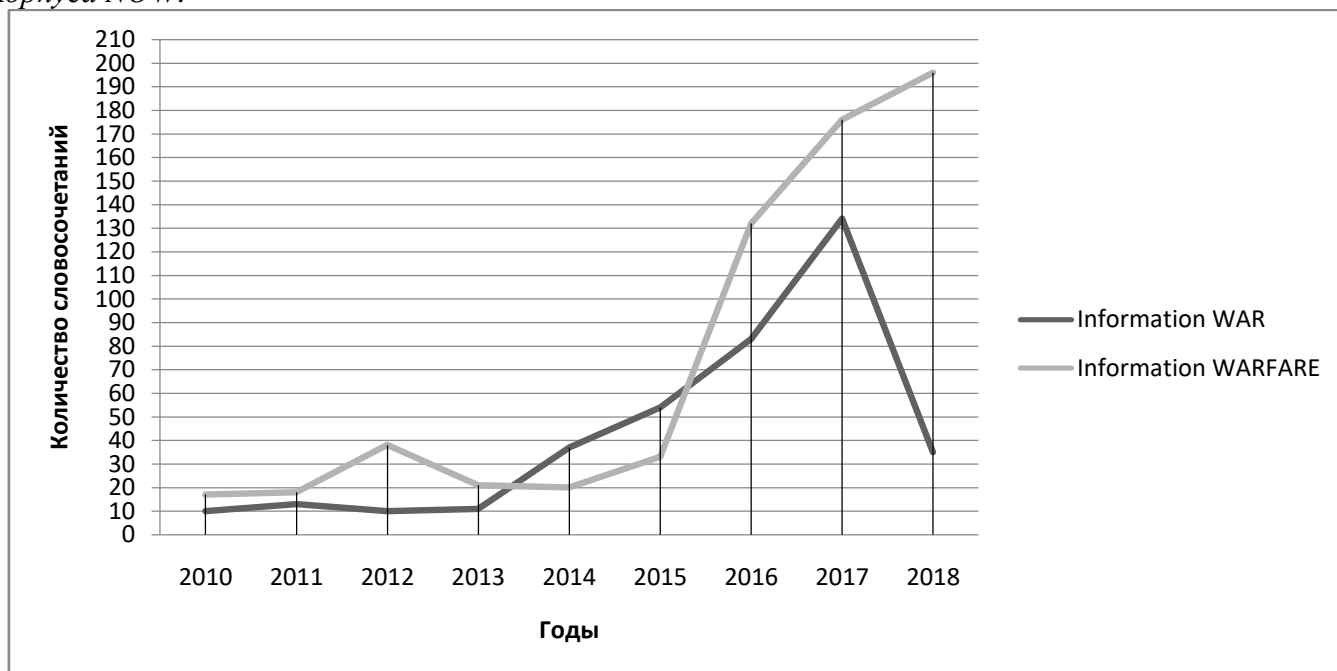
Понятие *дискурсивного мира* используется в развиваемой нами **теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования** для обозначения репрезентационной структуры концептуально-сложного типа, когнитивное содержание которой объективируется в текстах, объединённых в тематическом, коммуникативном и/или функционально-целевом отношениях. Поскольку данное направление исследования дискурса преимущественно развивается за рубежом, сделаем ссылку на свою работу, в которой излагаются его теоретико-методологические основания [Кушнерук 2016].

Отправным суждением при когнитивно-дискурсивном подходе к анализу информационно-психологического противоборства является то, что тексты «репрезентируют» события и социальное взаимодействие, вследствие чего агенты публичного дискурса (журналисты) конструируют необходимые «версии реальности». Реальность, объективируемую в медиа дискурсе совокупностью текстов британских интернет-СМИ, отражающих проблематику информационно-психологического противоборства, мы называем **дискурсивным миром ИПВ**.

Материал исследования

Материал для анализа извлечён из корпуса *News on the Web (NOW)* за период 2010–2018 гг. Общее количество проанализированных контекстов, содержащих терминосочетания *information war* или *information warfare*, составляет 1038 единиц. Обращение к корпусу NOW позволило выявить динамику освещения проблем информационно-психологической войны и сделать вывод о том, что она достигает своего максимума в 2017 г., превышая уровень 2010 г. более чем в 11 раз. Сведения о количествах употреблений словосочетаний представлены на Ил. 1.

Ил. 1. Динамика освещения информационной войны в период 2010–2018 гг. по данным корпуса NOW.

Данные на графике подтверждают вывод о значительном усилении информационного противоборства в последние семь лет и служат признаком возрастающей угрозы безопасности людей и их мирному сосуществованию. В силу сказанного попробуем установить, каким образом

происходит структурирование информации о противоборстве в британском медиа дискурсе, между кем оно моделируется и с какой целью. Представляется, что ответы на эти вопросы позволят охарактеризовать специфику настоящего витка «холодной войны», проявленного в формате информационно-медийного противоборства.

Результаты исследования: дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационная структура

Понятие информации трактуется нами не как совокупность сведений о мире, а как активная сила, служащая целям миромоделирования, то есть такого структурирования данных о действительности, которое порождает особую реальность в интересах политических элит. Обычные люди преимущественно воспринимают реальность «через трактовку» в интернет-СМИ. К ним относятся телевидение, радио, газеты, журналы, новостные сайты, функционирующие в пространстве глобальной сети и тиражирующие социально и политически значимую массовую информацию о явлениях и событиях. Дискурсивный мир ИПВ – это ментально-языковая структура, которая реконструируется ниже на основе совокупности медиа текстов, объединённых тематикой противоборства, борьбы, вражды, подчинённая целям политики Великобритании. Она отражает расстановку сил в глобальной геополитике и параметризуется на следующих основаниях: 1. Истоки, масштаб и общая квалификация ИПВ. 2. Субъекты ИПВ. 3. Ключевые акторы ИПВ. 4. Цели и задачи ИПВ.

1. Истоки, масштаб и общая квалификация ИПВ

Идеологическая война и информационное противоборство *уходят корнями к Первой мировой войне*. Ср.: *He believed that the ideological and information warfare being waged through the dissemination of ideas and fake information date back to the First World War.* (<http://www.en.netralnews.com>, 17-02-20) [*Он считал, что идеологическая и информационная война, осуществляемая через распространение идей и фальшивой информации, восходит к первой мировой войне*].

Подчёркивается, что *ИПВ – явление новейшей истории*. Ср. заголовок: *Cyber cold war is just getting started, claims Hillary Clinton.* (TheGuardian, 17-10-15) [*Кибер холодная война только начинается, утверждает Хиллари Клинтон*].

В некоторых контекстах указывается, что информационная война является *результатом перерождения Холодной войны*. Ср.: *Reframing Russia for the Global Mediasphere: from Cold War to 'information war'?* – funded by the Arts & Humanities Research Council – will provide insights into the post-Cold War global media environment through an in-depth case study of RT (<http://www.manchester.ac.uk>, 17-12-12) [*Переосмысление роли России в глобальной Медиа сфере: от Холодной войны к информационной? – проект, финансируемый Советом по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук, расскажет о состоянии глобальной медиа-среды после холодной войны, представив результаты тематического исследования новостного ресурса RussiaToday*].

Борьба рассматривается в масштабе виртуальной реальности Интернета как *мировая партизанская информационная война*. Ср.: *The battleground of politics has expanded to include the virtual world of the internet. This is in keeping with media theorist Marshall McLuhan's prediction that World War Three would be a guerrilla information war with no distinction between military and civilian participation.* (TheIndependent, 18-04-04) [*Политическое поле битвы расширилось, включив виртуальный мир интернета. Это согласуется с предсказанием теоретика медиа М. Маклюана о том, что третья мировая война будет партизанской информационной войной без различия между военным и гражданским участием*].

Описание типичных качеств и свойств информационно-психологической войны включает характеристику по национально-государственному признаку, а также метафорическую квалификацию.

Национально-государственный признак ИПВ в британской прессе передаётся лексемами *российская* (*Russian information warfare*), *кремлёвская* (*Kremlin's information war*). Ср.: *In the face*

of **Russian information warfare**, huge Chinese investments in international cable news, and proliferating terrorist online propaganda, the United States' public diplomacy capabilities are in great need of upgrading. (www.dailysignal.com, 16-12-15) [Перед лицом **Российской информационной войны**, огромных инвестиций Китая в международные кабельные новости и распространения террористической онлайн-пропаганды возможности публичной дипломатии Соединённых Штатов остро нуждаются в модернизации].

Показательно, что в британском медиапространстве также встречается характеристика ИПВ как **войны нарративов**, когда независимые информагентства стремятся принять контрмеры по отношению к другим нарративам: *It is actually an information war that is going on, aware of narratives, with various independent news agencies trying to counter the narrative.* (https://www.opendemocracy.net, 17-11-20) [На самом деле **информационная война** продолжается. Это война нарративов, в которой разные независимые информационные агентства пытаются противостоять другим нарративам].

2. Субъекты ИПВ

В рамках лингвистики ИПВ разграничиваются субъекты, объекты и мишени. Субъект ИПВ используется как родовое обозначение понятий *актор ИПВ* и *инициатор ИПВ*. Объектом ИПВ считается сознание коллективов людей и индивидов. Мишенями ИПВ являются «понятия и представления о связанных с объектом сторонах действительности, которые подвергаются негативной оценке для оказания давления на объект» [Лингвистика информационно-психологической... 2017: 18]. Объект и мишень часто не совпадают. Например, в настоящее время объектом ИПВ, которая ведётся британскими СМИ, можно считать сознание британцев, а мишенью – президента нашей страны и внешнюю политику российского государства. Такая тенденция стала острее проявляться после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., которое английские газеты характеризовали как «вторжение» (*the Crimean invasion*) и «аннексию» (*the annexation of Crimea in 2014*). Ср. контекст из газеты «Гардиан»:

The UK, the US and other Nato countries have been warning of the danger posed by Russia since the Crimea invasion. Although a full-scale invasion by Russia of the Baltic states or elsewhere in eastern Europe is unlikely, the Russian leader, Vladimir Putin, has steadily sought to reassert his country's place in the world. (TheGuardian, 17-12-14) [Великобритания, США и другие страны НАТО предупреждают об опасности, которую представляет Россия после **вторжения в Крым**. Хотя **полномасштабное вторжение России в Прибалтику или в другие страны Восточной Европы маловероятно**, российский лидер Владимир Путин неуклонно стремится укрепить позиции своей страны в мире]. Великобритания, США и другие страны НАТО предупреждают об угрозе, которую представляет Россия. Высказывается мнение о том, что вторжение России в Прибалтику или в другие страны Восточной Европы маловероятно, но российский лидер Владимир Путин стоит на страже интересов государства.

В большинстве примеров обозначается инициатор и противостоящий ему субъект: два государства, между которыми есть вражда. Например, Великобритания и Россия, Россия и Литва, Россия и Чехия, Россия и США, а также Россия и европейские страны вообще. Ср.: Ср.: *Muresan said: "I am deeply disappointed at the EEAS' meager efforts to counter the Russian information warfare on European countries"* (POLITICO.eu, 17-03-24) [Муресан сказал: "Я глубоко разочарован слабыми усилиями ведомства ЕСВС (Европейская служба внешних связей) по противодействию **Российской информационной войне, которая ведётся в отношении европейских стран**"].

Субъектами ИПВ также называются **несколько стран-участниц**. Например США, Россия и Китай. Акцентируется, что новый уровень «холодного» противостояния между названными державами стал возможным благодаря информационной войне. Ср.: *The U.S., Russia and China transitioned into a Cold War through a new system of battle (and control): information warfare.* (https://www.gamesradar.com, 18-03-30) [США, Россия и Китай перешли к холодной войне благодаря новой системе борьбы (и контроля): **информационной войне**].

В связи с несколькими субъектами, участвующими в противоборстве, особо интересен контекст метафорической репрезентации России и деятельности организации под названием «FancyBear» (букв. *необычный медведь*), имеющей отношение к российским спецслужбам. Медведь наращивает информационную войну против Германии и остального Запада. Ср.: *Fancy Bear ramping up info war against Germany – and rest of West. Russian hackers part of broader campaign against West, German intel. chief warns.* (<http://arstechnica.co.uk>, 16-12-10) [*Организация Fancy Bear наращивает информационную войну против Германии и остального Запада. Российские хакеры только часть более широкой кампании против Запада, предупреждает глава немецкой разведки*].

Актуализируются несколько аспектов значения лексемы *bear*: во-первых, в связи с деятельностью вышеуказанной организации, в названии которой фигурирует слово; во-вторых, медведь является не только символом партии «Единая Россия», но и прецедентной фразой, в которой символические образы медведя и тайги используются для общей характеристики проводимой политики как в отношении полуострова, так и в отношении недовольных наблюдателей. Ср.: *Есть древняя поговорка: “Что позволено Юпитеру, то не позволено быку”. Но медведь ни у кого разрешения спрашивать не будет. И тайги своей не отдаст. К нам не лезьте и не корчите из себя вершителей судеб мира* (<https://www.mk.ru/politics/2014/10/24/top10-citat-putina-na-zasedanii-valdaya-klopy-medved-i-upravlyaemyu-khaos.html>). Стереотип о сильной, независимой, как медведь, России укрепляется и вместе с тем вселяет опасения в других участников мира, в том числе на британских островах.

С точки зрения наличия двух субъектов, дискурсивный мир ИПВ преимущественно конструируется как биполярный, когда противопоставлены двое. При этом позиция захватчика и агрессора закреплена за Россией (субъект-1). В абсолютном большинстве контекстов первой названа Россия, и только во вторую очередь называется Запад (субъект-2). Ср.: *Yet for several months, the slight, 23-year-old with a mop of blonde hair was at the heart of Russia's information war on the West.* (TheDailyMail, 17-11-12). [*Тем не менее, в течение нескольких месяцев 23-летний мужчина с копной светлых волос находился в центре информационной войны России против Запада*].

Столкновение России и Запада сравнивается с ситуацией, в которой десятилетия назад оказался Советский Союз. Ср.: *In Russian defense and security circles and in numerous prime-time television debates, there is an almost unanimous thesis: a worldwide «information war» at the global level pits Russia, like the Soviet Union in its day, against the West.* (<https://uk.news.yahoo.com>, 17-04-20) [*В кругах обороны и безопасности России, а также в многочисленных телевизионных дебатах в прайм-тайм почти единодушно признаётся: мировая «информационная война» на глобальном уровне сталкивает Россию, как в своё время Советский Союз, с Западом*].

3. Ключевые акторы ИПВ

Согласно данным, представленным в британских медиа, ключевыми фигурами, ведущими информационную войну, являются *Россия, Москва, Кремль*. Со ссылкой на мнение политических авторитетов мирового уровня они обвиняются в развязывании и осуществлении информационной борьбы. В следующем примере ситуация представлена как мнение президента Франции Э. Макрона. Указывается, что Москва и Россия участвуют реализации сложной гибридной стратегии, сочетающей военное запугивание и информационную войну. Ср.: *During the campaign, Macron had harsh words for Moscow, accusing Russia of following a “hybrid strategy combining military intimidation and an information war”* (The Guardian, 17-05-29) [*Во время кампании Макрон осудил действия Москвы, обвиняя Россию в следовании “гибридной стратегии, сочетающей военное запугивание и информационную войну”*].

Кремлю часто приписывается введение образцовой ИПВ. Ср.: *He said we have to accept the three-minute video is «information warfare at its best» and that it showed the Kremlin has an «eye watering quantity of capability».* (TheSun, 18-01-23) [*Он сказал, что мы должны принять трёхминутный*

видеоролик «**информационная война в лучшем виде**», в котором показано, что у **Кремля есть безграничное количество возможностей**].

Россия также признаётся знатоком философии информационной войны, о чём свидетельствует обращение журналистов газеты «Гардиан» к работам российского учёного-аналитика С. Расторгуева [Расторгуев 1999, 2003] в контексте притчи о лисе и черепахе, мораль которой выводит **основную цель информационной войны** (контекст приводится полностью). Ср.: *Once there was a fox that wanted to eat a turtle, but whenever he tried to, it withdrew into its shell. He bit it and he shook it, but he wasn't getting anywhere. One day he had an idea: he made the turtle an offer to buy its shell. But the turtle was clever and knew it would be eaten without this protection, so it refused. Time passed, until one day there appeared a television hanging in a tree, displaying images of flocks of happy, naked turtles – flying! The turtle was amazed. Oh! They can fly! But wouldn't it be dangerous to give up your shell? Hark, the voice on television was announcing that the fox had become a vegetarian. "If I could only take off my shell, my life would be so much easier," thought the turtle. "If the turtle would only give up its shell, it would be so much easier to eat," thought the fox – and paid for more broadcasts advertising flying turtles. One morning, when the sky seemed bigger and brighter than usual, the turtle removed its shell. What it fatally failed to understand was that **the aim of information warfare is to induce an adversary to let down its guard.** (The Guardian, 17-12-02) [Жил-был лис, который хотел съесть черепаху, но всякий раз, когда он пытался сделать это, она пряталась в панцире. Он пробовал её на зуб и тряс, но всё безрезультатно. Однажды у него появилась идея: он предложил черепахе купить её панцирь. Но черепаха была умна и знала, что без защиты её съедят, поэтому отказалась. Время шло, пока в один прекрасный день не появился висящий на дереве телевизор, который показывал стаи счастливых летающих черепах без панциря! Черепаха была поражена. О! Они могут летать! Но разве не опасно жить без панциря? Вдруг голос за кадром объявил, что лис стал вегетарианцем. "Достаточно отказаться от панциря и мне сразу будет легче", – подумала черепаха. "Достаточно отказаться от панциря и её сразу будет легче съесть", – подумал Лис и ещё заплатил за трансляции рекламы летающих черепах. Однажды утром, когда небо казалось бескрайним и ярче обычного, черепаха сняла свой панцирь. Она не знала и уже не узнает, что **цель информационной войны заключается в том, чтобы научить врага тому, как снять панцирь с самого себя**].*

Вместе с тем в других новостных источниках отмечается, что Россия уже не та супердержава, какой был СССР. Уничтожение выявляется в контексте **прямой негативной репрезентации России** как региональной державы среднего порядка со значительным ядерным арсеналом и относительно слабой экономикой. Это, однако, не мешает признать факт, что Россия умеет распространять влияние, вести информационную войну, а президент полон решимости отстаивать интересы страны. Ср.: *Russia is not a global superpower like the Soviet Union. <...> It is fundamentally a middle-ranking regional power with a significant nuclear arsenal and a relatively weak economy. But it knows how to wield influence and how to conduct information warfare. And Mr. Putin is determined to defend Russia's interests – as he sees them – wherever he is able. (BBCNews, 18-04-14) [Россия не является супердержавой, как СССР. <...> Это, в сущности, региональная держава среднего ранга со значительным ядерным арсеналом и относительно слабой экономикой. Но она умеет оказывать влияние и вести информационную войну. А Владимир Путин полон решимости отстаивать интересы России – какими он их видит – везде, где только можно].*

4. Цели и задачи ИПВ

Наиболее **общая цель** ИПВ – **формировать точку зрения реципиента**. Ср.: *While 2017 was a year of "electoral hacking" and an intense information war aimed at shaping the recipients' viewpoint, the latest cyber security report by The Kosciuszko Institute predicts that 2018 could be a year of cyberattacks on critical infrastructure (https://www.computerweekly.com, 18-01-05) [Если 2017 год прошёл под эгидой "электорального взлома" и интенсивной информационной войны, направленной на формирование точки зрения получателей, последний отчёт о*

кибербезопасности Института Костюшко предсказывает, что 2018 год может стать годом кибератак на критическую инфраструктуру].

Цели ИПВ, которую ведёт Россия, также усматриваются в **воздействии на массовое сознание и общественное мнение**. Ср.: “*This is not something new, and is not something that has developed in response to Salisbury and Syria,*” said Keir Giles, a senior consulting fellow of the Russia and Eurasia Programme at think tank Chatham House. “*But it's something that is entirely consistent with how Russia thinks about information warfare*”. That includes standard cyberattacks as well as “*targeting of mass consciousness and public opinion*” (<http://www.wired.co.uk>, 18-04-21) [“*Это не что-то абсолютно новое, и не то, что было разработано в ответ на Солсбери и Сирию*”, – заявил КейрДжайлз, старший научный сотрудник программы “Россия и Евразия” в научном центре ChathamHouse. “*Но это то, что полностью согласуется с тем, что Россия думает об информационной войне, включая обычные кибератаки, а также воздействие на массовое сознание и общественное мнение*”].

Помимо общих целей ИПВ, выделяются частные целеустановки: **дестабилизация, вмешательство, разделение Запада, подрыв демократии, распространение неуверенности и страха**. Дестабилизация намеренно связывается с идеей о том, что Россия «разжигает» страсти коренного европейского населения. В контекстах, освещающих проблему беженцев и миграции, ситуация доводится до абсурда. Ср.: *Russia is trying to topple Angela Merkel by waging an information war designed to stir up anger in Germany over refugees, Nato's most senior expert on strategic communications has claimed* (The Guardian, 16-03-05) [Россия пытается свергнуть Ангелу Меркель, ведя информационную войну, направленную на разжигание гнева в Германии по поводу беженцев, заявил старший эксперт НАТО по стратегическим коммуникациям.].

В нарушении устоявшегося западного образа жизни **обвиняется российский президент**. Ср.: *It is clear that Vladimir Putin is testing the boundaries of his power to disrupt the established western way of life. Adventurism in Syria, Ukraine, Crimea and Georgia is matched by information warfare attacks on media and political organizations throughout the world<...> His intention is to destabilize wherever possible.* (The Times, 18-03-12) [Очевидно, что Владимир Путин “пробует” границы своей власти, чтобы нарушить устоявшийся западный образ жизни. Авантюризм в Сирии, Украине, Крыму и Грузии сопровождается атаками информационной войны на СМИ и политические организации во всем мире<...> его намерение – дестабилизировать ситуацию везде, где это возможно]. Прямая негативная репрезентация президента выражается глаголами с отрицательной семантикой (*disrupt, destabilize*). Он представлен как враг, в его внешней политике усматривается вызывающий авантюризм, с которым ведётся информационной война в СМИ и политических организациях по всему миру.

Во многих британских интернет-изданиях отмечается, что Россия использует совокупность слаженных средств информационно-психологического противоборства в рамках имеющейся доктрины: **дезинформацию, троллинг, хакерство**. Ср.: *The combined use of disinformation in social media and in state-funded media, social media «trolling», and concerted hacking efforts against political institutions is part of a long pattern of behavior by Russia, shaped by Russia's doctrine of information warfare and deterrence.* (<http://arstechnica.co.uk>, 16-12-10) [Совместное использование дезинформации в социальных сетях и в финансируемых государством СМИ, «троллинг» в социальных сетях, а также согласованные хакерские усилия против политических институтов являются частью установленной модели поведения России, сформированной Российской доктриной информационной войны и сдерживания].

Заключение

ИПВ получает распространение по каналам британских медиа для намеренной деформации общественно-политического имиджа России в масштабах мирового сообщества, её демонизации, создания образа врага, препятствующего культурно-цивилизационному развитию Запада. Представляется, что это необходимо Великобритании для оправдания собственной агрессивной внешней политики. Представленные в статье результаты способствуют визуализации

дискурсивного мира ИПВ – сложной концептуальной структуры, фрагментарно объективируемой в британских интернет-СМИ. Установлено, что дискурсивный мир ИПВ имеет свою онтологию. Представлена его характеристика по нескольким основаниям.

По периоду времени: явление новейшей истории. *По масштабу:* ИПВ возвещает наступление новой эры глобального противоборства, возможное благодаря применению новейших интернет-технологий. *По национально-государственному признаку:* российская и кремлёвская ИПВ. *По оценке:* масштабная, массовая, острая, интенсивная, пропагандистская. *По субъектам:* конфликт интересов имеют Россия и Запад. *По ключевым акторам:* ИПВ ведётся Россией, Москвой, Кремлём, российским президентом. *По целям и задачам общего характера:* воздействие на массовое сознание и общественное мнение. *По целям и задачам ключевого актора:* дестабилизация, вмешательство, разделение Запада, подрыв демократии, распространение неуверенности и страха.

Думается, что характеристики дискурсивного мира ИПВ в британских медиа не могут быть представлены законченным списком по причине его принципиальной открытости происходящим изменениям и неизбежному расширению номенклатуры в ответ на новые экономические инициативы политических элит, стремящихся к мировому господству. Хотя многие вопросы, изложенные автором, далеки от окончательного решения, складывается понимание, что дальнейшее изучение когнитивно-дискурсивных механизмов репрезентации информации о мире в целях информационно-психологического противоборства своевременно и необходимо для выработки мер противодействия внешней агрессии и установления контроля над геополитическим ландшафтом в интересах России.

Литература

Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.

Арчаков В.Ю., Макаров О.С. Информационные технологии гибридных войн // Геополитика и безопасность. 2017. № 4 (40). С. 22–25.

Белова Н.Е. Особенности дискурса информационной войны // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–3. С. 75–78.

Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voina-i-mir.ru/chapter/3> (дата обращения: 01.09.2018).

Жаркова Т.В. Информационная война как фактор социально-политической коммуникации // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. 2014. С. 94–103.

Желудков М.С. Информационные войны: психологические особенности // Инновационные технологии в современных научных исследованиях: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции: сб. тр. конф. Новосибирск, 2017. С. 154–156.

Иванова С.В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 28–37.

Карякин В.В. Мир вступил в эпоху войн седьмого поколения – информационно-сетевых войн // Информационные войны. 2011. № 3 (19). С. 2–7.

Копнина Г.А. Речевые тактики и приёмы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206–216.

Копнина Г.А., Сквородников А.П. О философских основаниях лингвистики информационно-психологической войны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1 (6). С. 35–50. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf> (дата обращения: 15.06.2018).

Копнина Г.А., Сквородников А.П. Газетно-публицистические тексты как источник информации о технологии ведения современной информационно-психологической войны

[Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1 (8). С. 170–181. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf> (дата обращения: 15.06.2018).

Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.

Кожарова Н.Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (191). С. 14–18.

Кушнерук С.Л. Когнитивно-дискурсивное миромоделирование в британской и российской коммерческой рекламе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 48 с.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Мушта О.П. Информационная агрессия против России в условиях глобализации // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 37–41.

Некляев С.Э. Информационно-психологическая война в условиях сетевой войны как новая форма угрозы национальной безопасности // Вестник Московского ун-та. Серия 10: Журналистика. 2008. № 5. С. 35–51.

Панцеров К.А. Информационный империализм: препятствие на пути стран тропической Африки к независимому развитию // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 114. С. 335–362.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

Расторгуев С.П. Информационная война. М: Радио и связь, 1999. 416 с.

Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003. 301 с.

Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 42–50.

Соловьёв А.В. Информационная война: понятие, содержание, перспектива // Пространство и время. 2010. № 2. С. 75–81.

Черных С.Н., Зуева Н.А. Информационная война: традиционные методы, новые тенденции // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 6А. С. 191–199.

Arquilla J. *Insurgents, Raiders, and Bandits: How Masters of Irregular Warfare Have Shaped Our World*. Chicago, IL: Ivan R. Dee, Publisher, 2011. 336 p.

Brose R. *Cyber War, Netwar, and the Future of Cyberdefense*. 2015. URL: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/ic-in-the-news/ic-in-the-news-2015/item/1205-cyber-war-netwar-and-the-future-of-cyberdefense> (дата обращения: 23.06.2017).

Libicki M. *What is Information Warfare?* Washington. 1995.

Libicki M. *The Convergence of Information Warfare* // *Strategic Studies Quarterly*. Spring, 2017, pp. 49–65.

Rona T. *Weapon Systems and Information War*. Available at: http://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf (accessed 11.06.2016).

Stein G. *Information warfare*. // *Airpower Journal*. Spring, 1995. Available at: <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm> (accessed 03.05.2017).

Szafranski R. *Neocortical warfare? The acme of skill* // *Military Review*, November 1994, pp. 41–55. U.S. Army Command and General Staff College.

References

Alekseev A.P., Alekseeva I.YU. *Informacionnaya vojna v informacionnom obshchestve* [Information war in the information society]. *Voprosy filosofii*, 2016, no 11, pp. 5–14.

Archakov V.YU., Makarov O.S. *Informacionnye tekhnologii gibridnyh vojn* [Information technologies of hybrid wars]. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2017, no 4 (40), pp. 22–25.

Belova N. E. Osobennosti diskursa informacionnoj vojny [Features of the discourse of information war]. *Privolzhskij nauchnyj vestnik*, 2015, no 6–3, pp. 75–78.

Vojna i mir v terminah i opredeleniyah. Voenno-politicheskij slovar' [War and peace in terms and definitions. Military-political dictionary]. Available at: <http://www.voina-i-mir.ru/chapter/3> (accessed 01.09.2018).

Zharkova T.V. Informacionnaya vojna kak faktor social'no-politicheskoy kommunikacii [Information war as a factor of social and political communication]. *Chelovek v informacionnom prostranstve [Man in the information space]*: sb. nauch. trudov. 2014, pp. 94–103.

Zheludkov M.S. Informacionnye vojny: psihologicheskie osobennosti [Information wars: psychological features]. *Innovacionnye tekhnologii v sovremennyh nauchnyh issledovaniyah: ehkonomicheskie, social'nye, filosofskie, politicheskie, pravovye, obshchenauchnye tendencii: sb. tr. konf [Innovative technologies in modern scientific research: economic, social, philosophical, political, legal, General scientific trends]*, Novosibirsk, 2017, pp. 154–156.

Ivanova S.V. Lingvisticheskaya resursnaya baza informacionnoj vojny: sozдание ehffekta demonizacii [Linguistic resource base of information war: creating the effect of demonization]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 5 (59), pp. 28–37.

Karyakin V.V. Mir vstupil v ehpohu vojn sed'mogo pokoleniya – informacionno-setevyh vojn [The world has entered the era of wars of the seventh generation-information and network wars]. *Informacionnye vojny*, 2011, no 3 (19), pp. 2–7.

Kopnina G.A. Rechevye taktiki i priyomy diskreditacii pravoslaviya v sovremennoj informacionno-psihologicheskoy vojne (na materiale internet-tekstov) [Speech tactics and methods of discrediting Orthodoxy in the modern information and psychological war (on the material of Internet texts)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2017, no 5 (65), pp. 206–216.

Kopnina G.A., Skovorodnikov A.P. O filosofskih osnovaniyah lingvistiki informacionno-psihologicheskoy vojny [On the philosophical foundations of linguistics of information-psychological war]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2016, no 1 (6), pp. 35–50. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf> (accessed 15.06.2018).

Kopnina G.A., Skovorodnikov A.P. Gazetno-publicisticheskie teksty kak istochnik informacii o tekhnologii vedeniya sovremennoj informacionno-psihologicheskoy vojny [Newspaper and journalistic texts as a source of information about the technology of modern information and psychological warfare]. *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, 2017, no 1 (8), pp. 170–181. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/05/Kopnina-G.A.-Skovorodnikov-A.P..pdf> (accessed 15.06.2018).

Korovin V.M. Tret'ya mirovaya setevaya vojna [Third world network war]. SPb., Piter Publ., 2014. 352 p.

Koshkarova N.N. Fejkovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? [Fake news: creative solution or fraud?]. *Vestnik Tomskogo gos. ped. un-ta [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]*, 2018, no 2 (191), pp. 14–18.

Kushneruk S.L. Kognitivno-diskursivnoe miromodelirovanie v britanskoj i rossijskoj kommercheskoj reklame: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. [Cognitive-discursive world-modelling in British and Russian commercial advertising]. Ekaterinburg, 2016. 48 p.

Lingvistika informacionno-psihologicheskoy vojny: monografiya. Kniga I [Linguistics of information-psychological war]. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t Publ., 2017. 340 p.

Mushta O.P. Informacionnaya agressiya protiv Rossii v usloviyah globalizacii [Information aggression against Russia in the context of globalization]. *Informacionnaya bezopasnost' regionov [Information security of regions]*, 2009, no 1 (4), pp. 37–41.

Neklyayev S. EH. Informacionno-psihologicheskaya vojna v usloviyah setevoy vojny kak novaya forma ugrozy nacional'noj bezopasnosti [Information and psychological warfare in a network war as a

new form of threat to national security]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Bulletin of Moscow University], 2008, no 5, pp. 35–51.

Pancerev K.A. Informacionnyj imperializm: prepyatstvie na puti stran tropicheskoj Afriki k nezavisimomu razvitiyu [Information imperialism: an obstacle to independent development in tropical Africa]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* [Journal of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen], 2009, no 114, pp. 335–362.

Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. Novyj instrument politiki [Information war. New policy tool]. Moscow, Algoritm Publ., 2015. 256 p.

Rastorguev S.P. Informacionnaya vojna [Information warfare]. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 1999. 416 p.

Rastorguev S.P. Filosofiya informacionnoj vojny [Philosophy of information war]. Moscow, 2003. 301 p.

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Lingvistika informacionno-psihologicheskoj vojny: k obosnovaniyu i opredeleniyu ponyatiya [Linguistics of information-psychological war: to the definition of the concept]. *Politicheskaya lingvistika*, 2016, no 1 (55), pp. 42–50.

Solov'yov A.V. Informacionnaya vojna: ponyatie, sodержание, perspektiva [Information war: concept, content, perspective]. *Prostranstvo i vremya*, 2010, no 2, pp. 75–81.

Chernyh S.N., Zueva N.A. Informacionnaya vojna: tradicionnyye metody, novye tendencii [Information war: traditional methods, new trends]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy of the world and man], 2017, vol. 6, no 6A, pp. 191–199.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Россия, 454080, Челябинская обл., Челябинск, пр. Ленина, 69

E-mail: Svetlana_kush@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Philology

South Ural State Humanitarian-Pedagogical University

69, Lenin Ave., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region 454080 Russia

E-mail: Svetlana_kush@mail.ru